

- Это всего лишь стандартные инвестиции группы в качественные культурные проекты, и к выбору актерского состава они не имеют никакого отношения. Мы с полным уважением относимся к решению режиссера и абсолютно уверены в профессионализме Ши Цзяня.

- Так называемый «капитал» в данном случае – это лишь инструмент, способ возвести защитный барьер, который оберегает творцов от любого внешнего вмешательства.

- Редженс Медиа принадлежит корпорации Чэньхуа, поэтому, разумеется, в обществе будут звучать самые разные голоса. И говорят они не ради «искусства», а именно из-за того самого «капитала», который им так нестерпимо мозолит глаза.

- То, что Чэньхуа обладает мощным капиталом – объективный факт, – Чу Хуан улыбнулась, легко и совершенно непринужденно добавив: – Я же не могу ради того, чтобы просто заткнуть всем рты, позволить Чэньхуа обанкротиться.

На этой легкой улыбке интервью подошло к концу.

Вместо актера, который по всем правилам должен был давать пояснения и оправдываться, в дело вступила большая начальница, и, разумеется, возразить ей было просто нечего.

Однако из-за Ши Цзяня у Чу Хуан действительно прибавилось работы, которая совершенно не входила в её изначальные планы.

Если предстоящий фильм принесет соответствующую прибыль – что ж, тогда еще куда ни шло, но если нет, Чу Хуан непременно пересмотрит свое отношение к ситуации.

Стоит ли и дальше вкладывать ценные ресурсы в человека, которым Чу Юнь вертит так, как ему вздумается?

Впрочем, само поведение Чу Юня говорило о многом. Попытки Чу Хуан осторожно прощупать почву были вызваны тем, что она уже давно заметила неладное.

Чу Юнь всегда казался человеком, который ни во что не ставит окружающих, и, по правде говоря, в большинстве случаев так оно и было. Вещей, которые могли по-настоящему его задеть или ранить, было до обидного мало.

Этот парень словно намеренно вырвал свое сердце и выбросил его прочь: он вечно с кем-то враждовал, задирали всех вокруг, вел себя вызывающе и безумно, не зная ни минуты покоя.

С точки зрения Чу Хуан, ему было наплевать на всё на свете, а единственное, что ему искренне нравилось делать – это утверждать свое превосходство и методично портить жизнь другим.

На первый взгляд этот сорванец всегда казался вполне приличным человеком, а все нелицеприятные репортажи в прессе выглядели лишь плодом буйной фантазии журналистов, охотившихся за любой сенсацией о младшем господине Чэньхуа.

У этих сплетен не было дна. Слова, напечатанные в газетах, нужно было сначала хорошенько промыть, а затем три дня просушить на солнце, чтобы можно было хоть немного поверить в написанное.

При этом Чу Юнь редко терял контроль над собой.

Да, у него был скверный характер и ядовитый язык; он никогда не уступал, если был уверен в своей правоте, а если ошибался – всё равно требовал своего, вел себя крайне своевольно и бесчинствовал.

Но всё это было лишь пустяками.

Он родился в такой семье, где у него были все средства, чтобы вести себя капризно в разумных пределах.

Всё, что он имел сегодня, было результатом многолетних усилий его предков, родителей, а также старших брата и сестры, чего вполне хватало, чтобы ребенок мог бездумно сорить деньгами.

Его гнев по большей части был не «потерей контроля», а просто очередным «капризом». По

крайней мере, в глазах Чу Хуан, в действительно важных делах Чу Юнь всегда умел правильно расставить приоритеты.

Но и в прошлогодней истории с Яоцзин, и в нынешней шумихе вокруг фильма он словно окончательно лишился рассудка.

Из этого следовало однозначно: влияние Ши Цзяня на Чу Юня было гораздо сильнее, чем Чу Хуан предполагала ранее.

В этой семье отношения между Чу Хуан и Чу Юнем нельзя было назвать по-настоящему близкими.

Она с подросткового возраста жила во Франции и в Тяньчэне бывала крайне редко.

День памяти родителей, ежегодный семейный ужин и день рождения Чу Юня – вот три единственных повода для встреч, которые поддерживали их связь на протяжении долгих лет.

Поэтому, даже если она была слегка недовольна тем, что Чу Мяннь слишком потакает Чу Юню, у неё не было никаких оснований открыто противостоять брату.

В конце концов, все эти годы именно Чу Мяннь занимался всеми делами Чу Юня и взял на себя заботу о нем.

Старшая сестра, которая узнавала о болезни младшего брата в самую последнюю очередь, не имела никакого права указывать Чу Мянню, что ему делать.

Казалось, именно с того времени Чу Юнь стал совершенно другим человеком.

Раньше он тоже был замкнутым, но вовсе не таким колючим и вызывающим. Чу Хуан иногда ласково дразнила его «Котенком Юньюном», в глубине души считая брата очень милым.

Когда Чу Юню исполнилось семнадцать, он неожиданно тяжело заболел, и Чу Мяннь отправил

его на лечение в Швейцарию.

Тот, кто раньше ни за что не хотел ехать учиться за границу, после выздоровления вдруг стал послушным и остался там.

Чу Хуан узнала об этом, когда проект Редженс Медиа только начинал свою работу.

Ей тогда не было и двадцати двух лет; она из кожи вон лезла, чтобы добиться успеха и доказать свою состоятельность, была настолько занята, что свет был не мил, а ноги буквально не держали от усталости.

Даже несмотря на это, в четыре часа утра, закончив работу, она вспомнила, что сегодня пора поздравить брата с днем рождения.

Она редко звонила Чу Мянью первой, но в этот раз не смогла связаться с Чу Юнем, что показалось ей странным.

На другом конце провода Чу Мянь непривычно молчал. Это не была его обычная немногословность – Чу Хуан отчетливо почувствовала его «затруднение».

В итоге она получила ответ:

– В этом году, боюсь, день рождения отменяется. Чу Юнь неважно себя чувствует, восстанавливается в Цюрихе.

Чу Хуан сжала телефон так сильно, что костяшки пальцев побелели, а вся усталость и сонливость мгновенно испарились. Она сдерживалась изо всех сил, чтобы не засыпать брата вопросами: «Как он?», «Что именно болит?», «Почему никто не сообщил мне об этом раньше?».

Она лишь горько усмехнулась, разжала пальцы и сказала брату:

– В этом доме всё действительно держится на одном слове господина Чу.

Повесив трубку, она даже не поехала проведать Чу Юня.

В конце концов, высокомерный господин Чу не допустил бы, чтобы с Чу Юнем случилось что-то непоправимое, а сестре, которой даже не удосужились сообщить о случившемся, не стоило навязываться.

Колледж Бо Солей был альма-матер Цзи Чжияюй, поэтому после выздоровления Чу Юнь закономерно остался там изучать историю искусств, решив пройти по стопам матери.

А после этого Котенок превратился в сорванца, который постоянно выводил Чу Хуан из себя.

Конечно, у неё были серьезные претензии к Чу Мяню.

Раз уж он взял на себя полную ответственность за жизнь младшего брата, то должен был учить его, что такое хорошо и что такое плохо.

Чу Хуан не ожидала от брата, что он позволит младшему целыми днями бездельничать и вести себя как избалованный мажор.

Её брат не должен был превратиться в никчемного бездельника.

Но, как она уже размышляла, у сестры, которая не видела, как рос и развивался брат, действительно не было права на открытую конфронтацию.

Этот Ши Цзянь был крайне странным человеком.

О его существовании она слышала давно, но никогда не придавала этому значения, полагая, что это очередная пустяковая выходка брата.

В тот день, когда она узнала, что он получил звание киноактера года, Чу Хуан испытала не столько эмоции, сколько глубокое недовольство поведением Чу Юня.

Как такой человек мог докатиться до того, чтобы стать содержанцем Чу Юня?

А Чу Юнь ради какого-то Ши Цзяня устроил такой грандиозный скандал, что даже не побоялся перевернуть всё вверх дном в штаб-квартире Чэньхуа, принуждая Чу Мянэ к уступкам.

При мысли об этом Чу Хуан внезапно остановилась.

Она задумалась: а как сам Чу Мянэ на самом деле относится к Ши Цзяню?

Чу Юнь ради Ши Цзяня перешел все мыслимые границы, а Чу Мянэ просто взял и принял это.

Потакать капризам – это одно, но когда ради постороннего человека затрагиваются интересы всей группы, Чу Мянэ обязан был вмешаться.

Оба брата и Ши Цзянь вызвали у Чу Хуан массу вопросов. Впрочем, то, что Ши Цзянь сейчас может спокойно сниматься в кино, а Чу Юнь ведет себя тихо, можно было считать своего рода благодарностью.

Но именно те несколько фраз, которые Чу Хуан обронила в тот день, разрушили спокойную жизнь Ши Цзяня и отправили его напрямик в ад.

Насмешки и издевки Чу Юня, которые не стоили ему ни гроша, обрушились на Ши Цзяня всей своей сокрушительной тяжестью.

Ши Цзянь всё реже появлялся в особняке, а Чу Юнь снова вспомнил о временах бесконечных ночных кутежей.

Одна из девушек, близких к семье Чу, через Чу Хуан выразила желание встретиться с Ши Цзянем.

Чу Хуан не любила заниматься подобными мелочами, но собеседница вела себя крайне вежливо, а пригласить на ужин любимого артиста в их кругах было делом вполне обычным.

Однако эта мисс Вэнь выглядела сдержанной и скромной, совсем не похожей на типичную фанатку.

Она сказала, что случайно оказалась в Париже и заглянула навестить Чу Хуан.

Чу Хуан же почувствовала, что девушка приехала сюда специально ради этой встречи.

- Боюсь, это всё же зависит от желания самого Ши Цзяня, - Чу Хуан не слишком интересовали подобные дешевые посреднические услуги, но из-за безупречных манер девушки она решила проявить немного терпения.

Семья Вэнь была не менее влиятельной, чем семья Чу, и на людях они всегда поддерживали подчеркнуто приличные, корректные отношения.

- Конечно, - Вэнь Лань поправила выбившуюся прядь волос за ухом, мягко и приветливо улыбнувшись. - Кстати, мы с Чу Юнем когда-то были одноклассниками.

- О? - Чу Хуан была искренне удивлена. - Мисс Вэнь тоже училась в Бо Солей?

Девушка медленно покачала головой:

- В старшей школе иностранных языков Тяньчэн.

Значит, они были одноклассниками еще в старшей школе.

Этого Чу Хуан совершенно не ожидала, и новость застала её врасплох.

В ту школу действительно поступали инвестиции от Чэньхуа - библиотеку и современный корпус искусств построили еще до того, как туда пошел Чу Юнь, но делалось это вовсе не ради обучения членов семьи.

Семьи вроде их старались отправить детей за границу чуть ли не сразу после отлучения от груди – помимо качественного образования, это было критически важно для накопления ресурсов и завязывания полезных международных связей.

То, что Чу Юнь в свое время остался в стране, имело свои особые причины.

Что же касается мисс Вэнь...

Она очень деликатно пояснила:

- У меня всегда было довольно слабое здоровье, – сказав это, она застенчиво и немного грустно улыбнулась.

Чу Хуан понимающе кивнула: теперь было совершенно неудивительно, что девушка выглядит такой хрупкой и утонченной.

Но к их текущему разговору этот факт не имел никакого прямого отношения.

К тому же, внезапное упоминание Чу Юня напомнило Чу Хуан о другом.

Вэнь Лань хотела поужинать с Ши Цзянем – само по себе дело не великое. Чу Хуан не одобряла подобные вещи, но могла отнестись к этому с пониманием. Однако, скорее всего, девушку ждало горькое разочарование.

Она больше не стала упоминать Чу Юня, ведь тот факт, что Вэнь Лань обратилась к ней напрямую, полностью минуя его, неопровержимо доказывал: между ними не осталось никакой былой школьной дружбы.

- Мисс Вэнь, в конечном итоге всё зависит от желания самого Ши Цзяня, – подытожила Чу Хуан.

Это было фактическое согласие.

Вэнь Лань с благодарностью улыбнулась и, еще раз извинившись за доставленное беспокойство, откланялась.

- Мисс Вэнь, - Чу Хуан внезапно окликнула её, когда та уже собиралась уходить. - Можно узнать, почему вы так хотите с ним встретиться?

Сразу после того, как вопрос был задан, она поняла, что он прозвучал излишне бестактно. Поэтому Чу Хуан мягко улыбнулась, махнула рукой и поспешно добавила:

- Простите мою любопытность, до свидания.

Вэнь Лань, совершенно не обратив внимания на резкость вопроса, сложила руки и слегка поклонилась:

- Вы слишком любезны. На самом деле, он очень похож на одного моего... старшего товарища.

Затем она застенчиво добавила:

- Обложка журнала VGO Jewelry получилась очень удачной.

Вот почему она увидела это знакомое лицо.

Впрочем, это было вполне неудивительно.

Чу Хуан почувствовала искреннюю симпатию к этой девушке и попрощалась с ней еще раз.

Особенно вспомнив своего собственного домашнего «демона», она ощутила легкую головную боль от невольного сравнения.

Она редко тратила свое драгоценное время на подобные пустяки, но всё же вызвала Сун Ичжоу.

- Узнай, что думает Ши Цзянь, - распорядилась она. Чу Хуан понимала, что Ши Цзянь вряд ли согласится на такую встречу, но раз уж она пообещала, то должна была довести дело до конца. Подумав мгновение, она добавила: - И заодно передай об этом Чу Юню.

Она сделала это для того, чтобы потом, узнав о встрече, брат не устроил очередной грандиозный скандал, не начал жаловаться и не наговорил гадостей, которые могли бы её всерьез разозлить.

Чу Хуан быстро забыла об этом эпизоде, а Сун Ичжоу, разумеется, должна была вовремя напомнить ей о результате, чтобы начальница не ударила в грязь лицом перед мисс Вэнь.

К её глубокому удивлению, пришел ответ: он согласен.

- Согласен? - Чу Хуан приподняла брови, дважды переспросив: - Ты уверена, что не ослышалась?

Сун Ичжоу спокойно ответила:

- Это личное распоряжение молодого господина.

Это было еще более непонятно и странно.

Впрочем, Чу Хуан не хотела лишний раз лезть в их запутанные дела. Она просто махнула рукой, приказав всё устроить, и на этом вопрос был окончательно закрыт.

Однако для самого Ши Цзяня этот момент стал началом настоящего кошмара.

В тот день, когда он узнал, что получил роль Фу Сяньчжи, у него не было времени на какие-либо глубокие эмоции.

Слова о «приглашении мисс Вэнь» заставили его буквально замереть на месте.

- Простите, - машинально отказался он. - Думаю, это будет не совсем уместно.

Не успел он договорить, как телефон выскользнул из его рук - он даже не заметил, в какой

момент к нему подошел Чу Юнь.

- О, правда? - Чу Юнь с нескрываемым интересом взглянул на Ши Цзяня. Его рука медленно скользнула по волосам Ши Цзяня к щеке, а затем властно легла на плечо. - Иди, почему бы не пойти?

Почувствовав, как напряглись плечи под его ладонью, Чу Юнь с явным удовольствием положил трубку.

В последнее время они виделись реже, и Ши Цзянь очень по нему скучал.

Он невольно потянулся к этой руке, и его взгляд непроизвольно упал на ладонь, крепко сжимавшую его плечо.

- Почему отказался? - Чу Юнь, наклонившись из-за спинки дивана, обнял его, почти невесомо касаясь губами уха.

Ши Цзянь сидел на диване, согретый теплом объятий, пропитанных знакомым ароматом Чу Юня, и медленно опустил ресницы:

- Я не знаю эту девушку и не должен её беспокоить.

- Какой невежливый, - Чу Юнь наклонился еще ниже, прикусив мочку его уха, и с глубоким удовлетворением наблюдал за тем, как дернулся кадык Ши Цзяня. - Когда мой великий артист стал таким высокомерным? Отказываться от такой удачи?

Его сарказм был доведен до абсолютного совершенства; он был острее любого меча и проникал повсюду, словно тончайшее стекловолокно.

- Кто позволил тебе отказываться?

Элегантный и приятный голос окутал его, словно холодное и липкое существо. Эта невидимая рептилия медленно ползла по его телу, крепко и надежно связывая его по рукам и ногам.

- Мой великий актер, которого я вырастил на свои деньги, - разве не расточительство прятать его дома? - Чу Юнь внезапно выпрямился.

Это резкое отстранение заставило Ши Цзяня невольно обернуться.

Чу Юнь смотрел на него сверху вниз, и в его глазах читалось холодное равнодушие вперемешку с легким пренебрежением:

- Это всего лишь ужин, а не продажа себя.

Ши Цзянь слышал гадости на протяжении многих лет, но впервые Чу Юнь высказал правду так откровенно и жестоко.

Как бы Ши Цзянь ни пытался приукрасить их отношения в своих мыслях, всё это было бессмысленно.

Он был товаром.

Даже если он принадлежал исключительно Чу Юню, он всё равно оставался всего лишь товаром.

Он вдруг горько усмехнулся.

Взгляд Чу Юня стал еще острее. Он сунул руки в карманы брюк, поправляя волосы, и тоже выдавил подобие улыбки.

- Иди.

Уходя, он бросил напоследок:

- Покажи ей, как ты умеешь доставлять удовольствие, чтобы и она осталась довольна.

<http://bllate.org/book/17941/1720632>